

В эту Прибалтику пока собрались, поругались десять раз. Сам Алексей не долго думал. В конторе ему предложили: поедешь с женой? На двоих туристическая? Города Прибалтики: Вильнюс, Рига, Таллин. Он туда-сюда прикинул и решил: «Была не была. Съездим». Осень. Немного дел. Да и в кои веки предложили: первый раз в жизни и, может, последний. Хоть белый свет поглядеть. В общем, согласился.

А домой пришел, Ольга на дыбы.

– Либо сдурел? Об хозяйстве душа не болит? Картошка не копана, соломы не привезли. О дровах не думаешь. А дети с кем? Скотину на кого кинуть? Скоро зернецо будут давать. Проездим и останемся с таким.

Припевать жена умела, только слушай ее. Но тут дети разом навалились, особенно старшая дочь, считай, невеста. У нее был свой интерес: с пустыми руками мать не вернется, что-нибудь да привезет. А в Прибалтике магазины – не нашим чета. Про это слыхали. И Ольга сдалась.

Два вечера копали картошку. Соломы Алексей привез, пилил дрова – чтобы уж ехать со спокойной душой.

К Ольге со всего хутора сбегались бабы. Охали да ахали, судили-рядили, наперебой заказывали то да это: и детское, и женское, и всякое, с чем бедовали. Ольга лишь успевала записывать. У ребят тетрадку взяла и записывала в ней, чтобы хоть с деньгами потом рассчитаться, не перезабывать, кто что давал.

Лишь мать Алексея, Мартиновна, жила как обычно. С утра и до ночи, в меру сил, копошилась по хозяйству. Вечером сидела за двором, на скамеечке. Рано уходила в свою боковуху, готовилась ко сну и засыпала.

А на нее, на нее была вся надежда. Ольга так и говорила:

– Мама, надежа на тебя.

И то было правдой: дочка в школьный интернат увееется, поминай ее, а с ребят какой спрос.

– Поезжайте с Богом, – говорила Мартиновна.

Она была не очень стара, шесть лет лишь пенсию получала. Но годы годам рознь. Пятерых детей подняла. Всю жизнь в колхозной работе.

Вдовый плат на голове, суровые морщины, померкший свет в глазах – отжила свое.

– Твои-то едут? – спрашивали ее.

– Едут... – отвечала Мартиновна. – Такая жизнь настала. Это мы прожили век за куриный пек... – И замолкала.

Собрались. Поехали. В последний вечер, укладываясь, Ольга, спохватившись, спросила Мартиновну:

– Мама, а тебе что привезть? Може, платок?

– У меня этих платков... – усмехнулась Мартиновна. – С каждых похорон. До смерти.

На похоронах теперь платки раздавали старым женщинам, пошла такая мода.

– Ну, ладно, там поглядим, – махнула рукой невестка.

Мартиновна задумалась на минуту, тихо сказала:

– На ноги б чего... Вот ныне бы, к осени.

Невестка уже не слушала ее. Услышал сын, пообещал:

– Поглядим, мама.

Мартиновна вздохнула. Ноги у нее болели и просили доброй обувки: не вечных резиновых калош да сапог, а чего-то другого, поприветнее. Она в

последние дни всё думала об этом, да боялась просить. Какую-то такую обувку ей хотелось, чтоб и теплая, и ловкая, и приглядная на вид.

Смешно сказать, но последние ночи снились ей трофейные ботики, что подарили отец и мать, выдавая замуж. Давно то было, и ботики в голод поменяли на картошку. Но помнилось: желтой кожи, с крючками и шнурочками, такие ловкие на ноге. Надевала их считанные разы, берегла. Потом уплыли ботики в чужие руки. Теперь вот какую ночь снились. Снились, и во сне ноги меньше ломило.

У Алексея с Ольгой всё складывалось хорошо. Благополучно долетели. Зря лишь пугались: самолет, самолет. А самолет – он удобней еще: раз-два – и на месте. И ничего страшного.

Группа попалась хорошая: свои люди, колхозники, лишь из других районов. Долетели, разместились в гостинице, кормежка – всё как положено. И конечно, экскурсии. С утра до ночи. И по магазинам – пожалуйста. Магазины и в Вильнюсе, и в Риге – не нашим чета. Бабы просто шалели. А мужики – больше по пиву. Пива в Прибалтике хоть залейся.

И дни полетели невидя, один за другим. Пожили в Вильнюсе, потом в Риге, приехали в Таллин. Здесь Ольга день-другой побегала и устала. Деньги кончились, и, по правде говоря, уже набрались всего: два чемодана и коробок ворох. Еще неизвестно, как уезжать с таким багажом. В самолет не примут.

Оставалось чуть-чуть до отъезда. И уже начали думать о доме, о детях, о домашних делах. Вот тут Алексей о материнской просьбе и вспомнил.

– Мать же просила на ноги чего-нибудь. Осеннее. Надо взять.

– На станцию с торгами поеду, – пообещала Ольга. – Калоши куплю.

– Калоши... – обиделся за мать Алексей. – Себе так набрала, – показал он на чемоданы. – А матери калоши.

– Ей сколь лет? – спросила Ольга. – Может, ей туфли на высоком?

– Ну, не на высоком... а всё же можно подобрать чего-нибудь получше калош. Как-никак...

– Вот иди и покупай, – махнула рукой Ольга. – А у меня ноженьки гудут. Бери вон кошелек и иди.

– И пойду, – сказал Алексей. – Куплю. Еще получше тебя выберу.

Время было не позднее, магазины открыты. Зашел Алексей в один да другой. Ходил возле полок, приглядывался, но ничего не мог выбрать. Хотелось, чтобы и для ноги были хороши, и всё же мать не молоденькая. Чтоб и помягче, и потеплее – к осени. И попригляднее. Вспомнил он мать, раздумался. Как она жила... Ведь кроме чириков да сапог резиновых сроду не нашивала ничего. Захотелось ее порадовать. Чтоб надела – и люди завидовали. Пойдет, положим в магазин, за хлебом, сразу углядят. Охи да ахи. «Сын привез», – скажет мать. Алексей даже засмеялся, представив это.

В одном из магазинов он решил с продавщицей посоветоваться. Обычно он продавщиц побаивался, а тут решился.

– Мне бы чего для матери, – попросил он. – Для осени обувь.

– Калоши вон в том отделе.

– Я же не калоши спрашиваю, – обиделся Алексей. – Что вы все с этими калошами? Сами небось... – покосился он на ноги продавщицы.

Продавщица усмехнулась, оглядела Алексея с головы до ног, в глазах ее вспыхнул злой огонек.

– Вам для осени обувь? – пропела она ласково. – Приличную, да?

– Конечно.

Продавщица нагнулась, пошарила под прилавком и выставила желтой кожи ботиночки, игрушка – не обувь. Аккуратные кнопочки сбоку, мех внутри, а кожа так выделана была, так мягка... Не обувка – сладкий сон.

– Вот это да... – проговорил Алексей. – А почему?

Этого вопроса продавщица ждала. Она же Алексея насквозь видела: по его одежке, по лицу. Она его поняла сразу и теперь выговорила внятно:

– Шестьдесят рублей.

Алексей охнул. Глаза его округлились, открылся рот. Он вроде к ценам привык, к сумасшедшим. Сапоги дочери да Ольге покупали. Но то сапоги, до колен. А здесь кожи-то кот наплакал.

– Ничего себе, – проговорил Алексей.

– Я же вам сразу сказала: калоши в другом отделе, – процедила продавщица с такой откровенной ухмылкой, что захотелось взять этот ботинок да...

Алексея жаром осыпало с ног до головы. Он вытаскивал кошелек и Бога молил: лишь бы хватило, лишь бы хватило... Руки тряслись, пересохло во рту. Продавщица глядела в упор.

«Сорок пять, сорок шесть... Трояк и рубли... Не хватит, – пронеслось в голове, и тут же вспомнил: загашник есть, от жены утаенное. Вытянул и вздохнул: – Слава Богу!»

Он расплатился, не глядя обувку забрал и лишь на улице вздохнул свободно. Чуть отошел от магазина, через плечо покосился: не глядят, раскрыл коробку. Здесь, при солнечном свете, ботиночки казались еще лучше: шелковистый мех внутри – тепленькая пещерка, кожа гладенькая блестит – игрушечка, и только.

Алексей невольно на свои башмаки поглядел и усмехнулся, подумал, что надо бы как-нибудь тоже приобуться.

В гостинице Ольга, ботиночки увидев, с ходу запричитала:

– Сдурел, сдурел! Либо выпил?! Точно, пьяный! Да как твоя башка сообразила?! – Она цену сразу почуяла, но всё же спросила: – Сколь?

Алексей ответил.

Ольга заплакала.

– Дурак. Последнюю денежку. Хоть бы подумала твоя башка, мать их оденет ли? Да за такие деньги. Дочь невеста... Хотела ей...

Ольга плакала, причитала, а сама меж тем взяла один ботинок и пыталась всунуть ногу в него. Но куда там с ее тридцать девятым. И у дочки ноженька не полезет – в маму уродилась. В досаде бросила ботинок на пол, сказала в сердцах:

– Иди, пускай денежки вертают. Скажи, не подходят.

Алексей обычно жену слушал, и теперь он понимал ее правоту. Как ни говори, а для матери... Одним словом, дороговато. Он понимал теперь, что погорячился, что виновата продавщица. Он всё понимал, но снова идти в магазин и деньги просить назад он не мог. Режь его, убивай, с живого кожу сними – не мог.

Ольга отпричитала, отплакала и вспомнила:

– Верка заказывала, Дианова. Я и не думала ей брать. А у нее ножка маленькая, продадим.

И всё успокоилось. Всё пошло своим чередом. Таллин, экскурсии, потом самолет – и домой.

На хутор приехали ночью. Но дома не спали. Конечно, ждали их и детвора, и мать. Началась колгота. Старшая дочь примеряла обновки, малыши конфеты да пряники грызли. Мартиновна радовалась со всеми вместе. Ей Ольга платок привезла, черный с розами. Недорогой платок, а приглядный.

Дочка в узлах да чемоданах копалась и углядела ботинки, те самые, желтенькие. Она их вынула из коробки, и в электрическом свете ботинки засияли – глаз не оторвать.

– Это кому? – спросила дочь.

Ольга нехорошо засмеялась:

– Это сынок маме купил. За шестьдесят рубликов. Выбрал.

Мартиновна, казалось, не слышала откровенной насмешки. Словно завороченная, встала она, подошла, взяла желтые ботинки в темные руки. Погладила верх, подошву, потом примерила. Ботинки оказались впору. Мартиновна по комнате прошла так легко, словно новая обувь сама пронесла ее от стола до порога и назад.

Ольга глядела молча, Алексей замер, и дети замолчали.

Мартиновна обувь сняла, поставила ее на стол, голову уронила и заплакала.

– Бабаня, ну, бабаня... – кинулась к ней внучка. – Чего ты... Гляди, какие хорошенькие.

Алексей тоже подошел, сказал:

– Мама, не надо.

Но Мартиновна плакала, и в слезах ее кто виноват был... Длинная нескладная жизнь? А может, те, трофейные ботики, с крючочками и шнурками, из молодости? Или вот эти?

Алексей не выдержал, вышел на крыльцо, закурил. Ольга выскочила вслед за ним. Пыхнув папиросой и проглотив ком в горле, Алексей сказал:

– Ты гляди не вздумай у нее забирать.

– Чего уж я, совсем, что ли... – прошептала Ольга. В глазах у нее стояли слезы.